

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.35>

Богданова Ольга Владимировна, Лю Цзыюань

ДИХОТОМИЯ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ (РАССКАЗ И. А. БУНИНА "НАТАЛИ")

В статье выявлены и проанализированы психологические детали, мотивы, которые создают образ единой, но дихотомически раздвоенной идеальной героини Бунина, "оксюморонной" в своей природе. В работе показано, что психологическая сложность образа героини-женщины бросает свой отблеск на личность героя-мужчины, обнаруживая невозможность достижения им идеала, стремление, не совпадающее с достижением. Бунин обнажает психологическую природу жизненной (бытийной) антиномии, проявляющейся в любви, познание которой сопровождает взросление молодого персонажа, приводя наррацию к двум - несовпадающим - точкам зрения героя-повествователя и героя - действующего лица.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 178-181. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-32

Дата поступления рукописи: 25.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.35>

В статье выявлены и проанализированы психологические детали, мотивы, которые создают образ единой, но дихотомически раздвоенной идеальной героини Бунина, «оксюморонной» в своей природе. В работе показано, что психологическая сложность образа героини-женщины бросает свой отблеск на личность героя-мужчины, обнаруживая невозможность достижения им идеала, стремление, не совпадающее с достижением. Бунин обнажает психологическую природу жизненной (бытийной) антиномии, проявляющейся в любви, познание которой сопровождает взросление молодого персонажа, приводя нарратив к двум – несовпадающим – точкам зрения героя-повествователя и героя – действующего лица.

Ключевые слова и фразы: И. А. Бунин; цикл «Темные аллеи»; рассказ «Натали»; система персонажей; дихотомия образа женского персонажа; тип нарратора.

Богданова Ольга Владимировна, д. филол. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
olgabogdanova03@mail.ru

Лю Цзыюань

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
Университет Цзямусы (Китайская Народная Республика)
kaiji1985@163.com

ДИХОТОМИЯ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ (РАССКАЗ И. А. БУНИНА «НАТАЛИ»)

Рассказ «Натали», входящий во второй раздел цикла «Темные аллеи», – один из самых популярных и самых исследованных литературоведами текстов, его анализу посвящены многочисленные научные статьи и исследования [1-4; 8-14]. Однако константа любовного выбора не была связана исследователями с психологическими составляющими образов. Именно поэтому важно остановиться на анализе данного рассказа и осмыслить те художественные концепты, которые формируют и опосредуют этот «центростремительный» для бунинского цикла «Темные аллеи» текст.

Как свидетельствуют дневники писателя, Бунин работал над текстом рассказа «Натали» около двух недель в марте и апреле 1941 года [7, с. 149]. Место, которое занимает рассказ в структуре цикла (книги), – едва ли не центральное. Неслучайно исследователь А. Ю. Закуренько пишет, что среди 38 (40) рассказов цикла «Натали» – рассказ срединный: «Композиционной осью (осью симметрии) книги “Темные аллеи” является срединный (20-й) рассказ “Натали”» [10, с. 75].

Во время работы над вторым разделом цикла «Темные аллеи» дневники писателя все больше наполняются цитатами и размышлениями о любви, замечаниями о формах и способах отражения любовных чувств в художественной литературе [7, с. 126-127, 134]. То есть те два-три года, которые прошли между временем создания первого и второго разделов цикла, все больше подвигали художника к размышлениям о любви: воспоминания (память), которые управляли писателем на раннем этапе создания «Темных аллей» (1938 год, первый раздел книги), постепенно сменялись все более тесным срастанием поэта с любовной тематикой (1941 год, усиление мотива любви в «Темных аллеях»).

Об истории создания рассказа «Натали» Бунин сделал запись в «Происхождении моих рассказов»: «Мне как-то пришло в голову: вот Гоголь выдумал Чичикова, который ездит и скупает “мертвые души”, и так не выдумать ли мне молодого человека, который поехал на поиски любовных приключений? И сперва я думал, что это будет ряд довольно забавных историй. А вышло совсем, совсем другое...» [6, с. 143-172]. Однако гоголевский сюжет послужил только толчком для писателя, помог ему сформировать сюжетную канву повествования. Бунин говорит о своем герое: он «стал ездить в поисках любовных встреч по соседним имениям, по родным и знакомым» [7, с. 143].

Центр развития фабульной линии рассказа «Натали» составляет приезд молодого героя в имение «дяди по матери, отставного и давно овдовевшего улана Черкасова, отца единственной дочери» Сони [Там же]. Причем молодой герой – Виталий Мещерский – не просто путешествует, но ищет взросления, оказывается перед едва ли не первым в его жизни (любовным) выбором. Потому конфликт рассказа опирается на любовные перипетии героя, на столкновение, которое сформировалось в его душе, в его сердце. Герой «счастлив тем особым счастьем начала молодой свободной жизни, что бывает только в эту пору» [Там же, с. 125]. И потому интрига рассказа завязывается вокруг истории первой любви героя: неслучаен его вопрос: «...что вы думаете о первой любви?» [Там же, с. 136].

В основе сюжета рассказа оказывается «любовный треугольник»: Виталий – Соня – Натали, – где каждая из героинь становится воплощением разного женского типа: «девушки бывают разные» [Там же]. «Грешная» чувственная Соня противопоставляется «чистой» чувствительной Натали. Неслучайно встреча Витика с одной героиней происходит темной ночью, с другой – ранним светлым утром.

Соня: «Тише, все спят» [Там же, с. 126], вокруг «темная прихожая» [Там же, с. 125], они «наедине» [Там же, с. 128]. Героиня предстает перед кузеном в «ночном фланелевом халатике» [Там же, с. 125], «под которым, верно, ничего нет» [Там же, с. 126]. Встреча после долгой разлуки сопровождается поцелуем(ями) [Там же, с. 125, 129], чувственным впечатлением от «открытой до плеча руки» [Там же, с. 126], обнажившегося под халатом «полного колена» [Там же, с. 127], «поджатого бедра» [Там же], «полноющей груди» и др. Физиологичность «прелестей» [Там же] Сони, на которые с первых минут встречи обращает свой взор юный Витик, эксплицирует мужскую тягу молодого человека «ко всему ее [Сониному] телу» [Там же, с. 128], к тем «грешным» чувствам и мыслям, которые источает ее образ.

«Греховность» образа Сони намечается повествователем с первых строк – и на уровне портрета героини (упоминание «ночного фланелевого халатика», «под которым, верно, ничего нет» [Там же, с. 125-126]), и на уровне ее соблазняющего поведения (одни, «наедине» [Там же, с. 128]), и даже на уровне свето-цветовых определений (образ Сони сопровождают эпитеты «сумрака», «мрака», «темноты» [Там же, с. 129]), и эти психологические штрихи усиливают впечатление от «оценочного» портрета героини «приземленной», чувственной, телесной.

Между тем важно подчеркнуть, что образ Сони создан Буниным не как прямолинейный и одноплановый образ девы-соблазнительницы, девы-искусительницы. Соня – не средоточие порока и похоти, но самая обыкновенная девушка двадцати лет, «совершенная красавица» [Там же, с. 126], зрелая и мудрая (семантика имени «София»), готовая любить и быть любимой.

Абсолютно иным, с очевидной интенцией противопоставления, выведен на сцену образ Натали (значение имени – «родная»), как можно понять, «родная» душе герою, его внутреннему духовному мировосприятию). «Очень трогательная девочка, стройненькая, еще хрупкая. Умница...» [Там же, с. 128]. Ее образ с первой встречи обращает юного героя к девичьим прелестям совсем иного рода – к духу, скромности (Натали «из прекрасной семьи, очень богатой когда-то, теперь же просто нищей» [Там же]), поэтичности, покою и гармонии, которые рождаются рядом с нею.

Героиня выглядит похожей на ангела: «...прелестная головка, так называемые “золотые” волосы и черные глаза. <...> Ресницы, конечно, огромные и тоже черные, и удивительный золотистый цвет лица...» [Там же, с. 126]. Справедливо замечание литературоведа О. В. Богдановой о том, что «изобилие золотого цвета, светлые волосы, большие темные глаза... придают образу Натали едва заметную, но узнаваемую иконописность» [4, с. 500]. «...уже как от иконы не мог оторвать от нее глаз» [7, с. 146]. Юный герой заметит «иноческую» стройность ее черного платья, делавшего ее особенно непорочной...» [Там же].

Неслучайно в ходе повествования – на основе приема природного параллелизма (почти аллегории) – рядом с образом Натали появятся образы «мелких розовых бабочек» [Там же, с. 148], рядом с Соней – летучей мыши и лягушки («совсем как лягушка...» [Там же, с. 131]). Натали и сама похожа на бабочку: «В первый раз я видел Натали на другой день утром только мельком: она вдруг вскочила из прихожей в столовую, глянула, – была еще не причесана и в одной легкой распашонке из чего-то оранжевого, – и, сверкнув этим оранжевым, золотистой яркостью волос и черными глазами, исчезла» [Там же, с. 129]. Обращающий взоры на героинь-девушек Виталик «безвыходно» озабочен: «...как же мне теперь жить в этой двойственности – в тайных свиданиях с Соней и рядом с Натали, одна мысль о которой уже охватывает меня таким чистым любовным восторгом...» [Там же, с. 133]. Он «думал с двумя совершенно противоположными чувствами о Натали и о Соне» [Там же, с. 132], но, как показывает Бунин, оказался влюбленным в обеих героинь. «Противоположности» Сони и Натали магнетически притягивали молодого героя.

В данном рассказе Бунин продолжает традицию мировой классической (и русской) литературы, создавая два хрестоматийных противоположных женских образа. Один из них – условно образ *Кармен*, героини страстной и яркой, живой и грешной. Другой – это, по сути, образ *Офелии*, героини тонкой, возвышенной, покладистой и покорной, героини с тонкой душевной организацией.

Кажется, что бунинские героини однозначно и окончательно – традиционно – противопоставлены друг другу. Однако Бунин не создает «плакатные» образы, не упрощает характеры женских персонажей – и, как следствие, образ главного героя. Характеры противопоставленных героинь (Сони-Кармен и Натали-Офелии) оказываются более сложными, точнее – сознательно усложненными и осложненными писателем. Бунин не «разделяет» героинь (как кажется на первый взгляд), но до определенной меры «соединяет» их – соединяет в их дружбе, в чертах их характера, в их сущности. Героини Бунина оказываются антитетичными не только между собой, но и внутри самих себя.

Исследователи уже обращали внимание на «парность» мотивов и деталей в рассказе «Натали». Так, Е. Е. Анисимовой было отмечено, что в рассказе Бунина ряд характерных черт девичьих образов/персонажей удваивается, повторяется, становится «парным», одновременно привязанным и к образу Сони, и к образу Натали [1]. Причем валентность (аксиологичность) тех или иных деталей оказывается весьма близкой – подобной, а не противопоставленной. Бунин как будто бы намеренно черты одной героини неожиданным образом отражает (и оттеняет) в другой, в чем-то уравнивает персонажи, сближает и уподобляет героинь. Неслучайно после замужества Натали она тоже, как и Соня, становится кузиной Витика, действительно оказывается ему «родной». «Вы чувствуете, что ведь вы мне двоюродный брат теперь?» [7, с. 149]. В ходе развития всего действия рассказа «парные» героини то болеют «по очереди», то попеременно хлопочут по дому, то занимают место в сердце молодого человека. И в видимой «парности» ситуаций проступает невидимая «парность» характеров.

Понятно, что писатель Бунин делает это намеренно, сознательно. Если в начале рассказа он «разделил» героинь, то по мере развития наррации «сблизил» их, тем самым давая понять реципиенту, что противоречивая женская сущность была сосредоточена в каждой из героинь; другое дело, что юный герой не сразу это понял. Только события последующих лет позволили герою «помудреть» и постичь, что и Натали была готова отдаться возникшему в ней желанию, но ее страсть проявлялась иначе, чем у Сони. Психологическая направленность рассказа Бунина демонстрировала, что различная форма отражала (в конечном итоге) единство содержания.

Кажется, что герой Бунина в процессе своего «путешествия по жизни» должен был выбрать одну из героинь (так виделось в начале рассказа), но по мере развития действия становится ясно, что мысль писателя сводится к иному: герой (как и сам автор) видел обаяние каждой из героинь, любил каждую из них по-своему. Соня и Натали воплощали определенную грань «идеального» женского характера, «обобщенного» девичьего типа – таким, каким видел его стареющий писатель Бунин (и его неопытный еще, молодой герой).

По существу, сделать выбор между телом и духом, между страстью и чувством, между светом и тенью, которыми пронизано все пространство рассказа – «пятна света и тени» [Там же, с. 141], – бунинский юный герой не может. Но, по всей видимости, Бунин именно это суждение и хочет донести до читателя – с его точки зрения, в любви выбор не осознан, не разумен, идет не от понимания или разумения, но от чувства, эмоции, ситуации, даже от обстоятельств. Страстная натура молодого героя стремится попробовать, испытать все – и в этом, по мысли автора, нет оценочности – моральности или аморальности, нравственности или безнравственности. Бунин обнажает природу молодого человека, показывая сложность и запутанность процесса взросления (как Витика, так и Сони и Натали).

Бунинский герой (как и его автор – об этом свидетельствуют его дневники) поставлен перед выбором («и счастье, и несчастье» [Там же, с. 138]), и совершенно очевидно, что зрелый писатель осознает невозможность однозначного решения дилеммы, тогда как юный герой, несомненно, в силу своего возраста еще не понимает неосуществимости и невозможности подобного выбора. Неслучайно рассказ Бунина не завершается эпизодом отъезда молодого героя из усадьбы его дяди – казалось бы, художник мог здесь поставить точку в сюжетном развитии. Однако он продолжает повествование, рассказывает о ряде других событий, которые заставляли героя еще несколько раз пересечься с Натали. Причем последующие встречи Виталия Мещерского с Натали доводятся писателем до сакрального символического числа «три»: герои в первый раз после разлуки встречаются на балу в Воронеже, затем на похоронах родственника, мужа Натали [Там же, с. 145]; наконец, возникшее собственное желание героя навестить дом героини. В чередующихся встречах автор показывает (обнаруживает), что героиня в ту далекую летнюю пору испытывала к герою те же чувства, что и герой к ней (и к Соне), что только «случайное» обстоятельство (страшная гроза и *случайно* незакрытая дверь) помешало неслучившейся близости юных героев.

Для Бунина нет «нравственной шкалы», которую он мог бы предложить своему герою (своим героям). Акцент нравственности/безнравственности снимается писателем. Бунин показывает, что натура человека сложна и неоднозначна. Его героя привлекает и то, и другое. Разум диктует ему необходимость совершения некоего (как ему кажется, обязательного) выбора, чувства же не позволяют контролировать разум (не справляются с контролем над разумом) и заводят героя в тупик, кажется, в ситуацию неразрешимую.

Последовавшие за расставанием перипетии и показанная Буниным близость героев Виталия и Натали в финале рассказа позволяют говорить о том, что писатель, проживший долгую жизнь, в работе над «Натали» (и циклом «Темные аллеи») уходил от двухчастной дилеммы, перед которой стоял его герой. Писатель показывал, что жизнь не состоит только из света и тьмы, только из контрастных красок светлого и темного. По мысли писателя, мир полон полутонов, оттенков, смешанных красок. Той (литературной) односторонности, в которой был воспитан молодой аристократический герой Витик Мещерский, для Бунина-писателя нет. Есть сложный, запутанный – таинственный – мир, который хранит свои секреты и далеко не всегда имеет простые и четкие разгадки.

Введение в финале рассказа перипетий взаимоотношений Виталия и его дворовой девки («сошелся с крестьянской сиротой Гашей», которая родила ему «маленького черненького мальчика» [Там же, с. 147]) в еще большей мере усиливает писательское представление о сложностях жизни, о невозможности упрощенного ее восприятия («+» – «–», хорошо – плохо, честно – нечестно). Неслучайно «боковой» (под)сюжет рассказа имеет свои кульминационные точки – «условия», которые ставит Гаши Виталию. Героиня барышня-крестьянка на предложение барина обвенчаться после рождения сына отвечает: «Нет, мне этого не нужно, мне только стыдно будет перед всеми, какая же я барыня!» [Там же]. И, кажется, сама великодушно предлагает герою: «Вам надо поехать в Москву, а то вы совсем соскучитесь со мной...» [Там же]. Но Гаши ставит «странное» на фоне ее прежней доброты условие: «...только одно помните: если влюбитесь в кого как следует и жениться задумаете, ни минутки не помедлю, утоплюсь вот вместе с ним [ребенком]» [Там же].

На новом сюжетном уровне в рассказе снова (как между Соней и Натали) эксплицируется мотив «парности» (теперь пару создают Натали и Гаши). Наррация обретает знакомые контрасты света и тени: «Там, где свет приливался, было ярко, стеклянно, в тени же пестро и таинственно...» [Там же, с. 150].

Как и в ситуации с Соней и Натали, герой снова поставлен в ситуацию выбора, причем безжалостного: смерть другого человека и возможная смерть сына. И автор вновь показывает: выхода у героя нет, разрешить эту жизненную ситуацию невозможно. Последующая связь с Натали тоже закончится трагически – героиня «в родах» умрет [Там же, с. 172].

В рассказе «Натали» константой мировоззренческой системы Бунина становится неоднозначность, неопределенность, неопределимость границ и пределов нравственных установок, норм, цензов. Доминантой авторских представлений становится представление о текучести, туманности и нечеткости тех нравственных законов, которые возникают перед человеком в его жизни, которые прививаются ему (в том числе и литературой), но которые не могут разрешить глубинную сложность тех действительных проблем, которые возникают перед человеком в реальной жизни.

Сюжет и вся наррация рассказа Бунина «Натали» построены на неисчерпанности и неисчерпаемости ситуации выбора/невыбора. Автор показал, что наивный герой в поисках своего взросления пытался постичь истинность и искренность любви, те нравственные законы, которые жили в его душе и которые были подсказаны его чистым сердцем, но отсутствие жизненного опыта и, что еще более важно, неразрешимость (для Бунина) сложных жизненных проблем приводили в рассказе к драматической (по сути трагической) развязке, казалось, так счастливо начинавшегося приключения молодого героя, отправившегося в путь (в жизнь).

Список источников

1. **Анисимова Е. Е.** «Душа морозная Светланы – в мечтах таинственной игры»: эстетические и биографические коды Жуковского в рассказе Бунина «Натали» // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 78-84.
2. **Байцак М. С.** Роль экфрасиса в книге И. А. Бунина «Темные аллеи» (на примере рассказа «Натали») // Творческое наследие И. А. Бунина: традиции и новаторство: мат-лы Международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И. А. Бунина (г. Орел, 24-25 апреля 2005 г.). Орел: ОГУ, 2005. С. 188-190.
3. **Благасова Г. М., Колесникова Л. С.** Роль красок, звуков, запахов в книге И. А. Бунина «Тёмные аллеи» // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрёстке эпох: сб. науч. статей. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 165-168.
4. **Богданова О. В.** Феноменология любви: «Натали» И. А. Бунина // Богданова О. В. Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX века. СПб.: Береста, 2017. С. 491-511.
5. **Бунин И. А.** Дневники. 1881-1953 // Бунин И. А. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 9. 592 с.
6. **Бунин И. А.** Происхождение моих рассказов // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. / подг. текста и прим. О. Н. Михайлова. М.: Художественная лит-ра, 1967. Т. 9. Освобождение Толстого. О Чехове. Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи. 622 с.
7. **Бунин И. А.** Собрание сочинений: в 9-ти т. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М.: Художественная лит-ра, 1966. Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931-1952. 193 с.
8. **Егорова О. Г.** Единство в многообразии: о книге И. Бунина «Тёмные аллеи»: монография. Астрахань: Астраханский педагогический институт, 2002. 143 с.
9. **Ерёмина О.** Концепция любви в рассказах И. А. Бунина // Литература. 2003. № 41. С. 9-15.
10. **Закурченко А. Ю.** Христианские инварианты в структурной форме русской литературы конца XIX – конца XX века: дисс. ... к. филол. н. М., 2017. 198 с.
11. **Красильников Р. Л.** Танатологические мотивы в художественном творчестве: эстетический аспект. М. – Вологда: Граффити, 2010. 160 с.
12. **Лозюк Н. Ю.** Композиционный ритм в новеллах И. А. Бунина («Темные аллеи»): автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2009. 18 с.
13. **Марченко Т. В.** Переписать классику в эпоху модернизма (о поэтике и стиле рассказа Бунина «Натали») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 2. С. 25-42.
14. **Хазан В.** Эротические функции одежды в цикле рассказов И. Бунина «Тёмные аллеи» // Русская литература XX века в контексте европейской культуры: сборник статей. Таллинн: Humaniora, 1998. С. 119-135.

DICHOTOMY OF AN IDEAL SWEETHEART'S IMAGE (THE STORY "NATALIE" BY I. A. BUNIN)

Bogdanova Olga Vladimirovna, Doctor in Philology, Professor
Saint Petersburg University
olgabogdanova03@mail.ru

Liu Ziyuan
Far Eastern Federal University, Vladivostok
Jiamusi University, China
kaiji1985@163.com

The article identifies and analyses the psychological details, motives that create the image of Bunin's integrated, but dichotomously split ideal heroine, "oxymoronic" in her nature. The paper shows that the psychological complexity of the heroine's image casts its reflection on the personality of the hero, revealing the impossibility of achieving the ideal, the desire that does not coincide with the achievement. Bunin exposes the psychological nature of the vital (existential) antinomy manifested in love, cognition of which accompanies the young character's maturing, leading the narration to two – different – points of view of the character-narrator and the character-actor.

Key words and phrases: Ivan Bunin; cycle "Dark Alleys"; story "Natalie"; system of characters; dichotomy of heroine's image; type of narrator.